

РАДИАЦИОННАЯ ЛОЖЬ

ПРОШУ СЛОВА СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНА

С ПОВЫШЕННЫМ ВНИМАНИЕМ слежу за публикациями о Чернобыльской аварии и ликвидации ее последствий. Сам в печати никогда не выступал, но сейчас, прочитав статьи начальника управления ядерной и радиационной безопасности Министерства охраны окружающей природной среды Украины Александра Кордюка «Ведомственная мораль преступна» и председателя подкомиссии Верховного Совета по научным, социальным и правовым вопросам Чернобыльской катастрофы и атомной энергетики Украины Владимира Усатенко «Ложь — не аргумент» («Вечерний Киев», 23 апреля с. г.), смолчать не могу.

Мне 54 года. Работать начал после окончания в 1958 году технического училища слесарем по ремонту химического оборудования на Сибирском химическом комбинате (СХК) в г. Томске-7. Потом был слесарем по ремонту дозиметрических приборов, лаборантом-физиком технологической лаборатории промышленной ядерных реакторов СХК, а после окончания вечернего отделения Томского политехнического института — инженером-физиком этой лаборатории.

На ЧАЭС работаю с 1976 года инженером-физиком научно-исследовательского отдела, старшим инженером-физиком — руководителем группы внутриреакторного контроля отдела ядерной безопасности и контроля надежности.

В 1981 году мне поручили провести первые эксперименты по облучению в реакторе образцов кремния, а в 1982-м был назначен начальником созданной на ЧАЭС лаборатории радиационного легирования кремния. В январе 1986 года эта лаборатория была преобразована в экспериментальный цех радиационного легирования кремния (ЭЦРЛК), а я был назначен начальником этого цеха. Во время ликвидации последствий аварии занимался радиационным контролем окружающей среды. После пуска 1-го блока вновь был назначен начальником ЭЦРЛК, а теперь в этой должности готовлюсь к ликвидации мною пострадавшего цеха.

Изложил подробно своей рабочей биографии для того, чтобы подчеркнуть, что я не был оперативным эксплуатационником, был занят, по выражению пана Кордюка, преимущественно «на подсобных работах», но в тюрьме не сидел, т. е. «зеком» не был. Кстати, и в бериевское время не допускалось и мысли о трудоустройстве на оборонные объекты случайных людей, тем более «зеков». Считаю крайне оскорбительными высказывания пана Кордюка и о том, что у персонала ЧАЭС «мал опыт, бытовая неустроенность» и т. д. Все это вымысел. Оперативный персонал и ведущие специалисты набирались преимущественно с других АЭС с реакторами РБМК и в этом смысле ЧАЭС повезло, т. к. было распоряжение министерства руководителям других АЭС не препятствовать переводу на ЧАЭС. Можно было бы этот вопрос «мусолить» в 1987 году, но не спустя 6 лет. Наша станция практически освободилась от нарушителей дисциплины, бездельников и случайных людей.

Что касается «неустроенности быта» персонала, то лучше бы пану Кордюку приехать в гости в Славутич, посидели бы в ресторане или у кого-нибудь из «зеков» в коттедже и, глядя друг другу в глаза, поговорили бы, например, об экологическом будущем Украины.

Ваши коллеги из ФРГ и США действуют по традиционным правилам игры бизнесменов: посулили пряник, чтобы потом иметь монополию поставок оборудования для АЭС западного образца. Только отработанное топливо они на переработку не примут.

А теперь — о «преступности ведомственной морали». Может ли пан Кордюк ответить, почему Министерство окружающей среды Украины молчит о том, что выращивать сельхозпродукты, пасти скот вдоль шоссе магистралей запрещено на 200 метров в обе стороны, что продукты питания с обочин автомобильных дорог вредны для здоровья и не должны употребляться в пищу? Почему молчит Министерство о превращении реки Днепр в гниющее болото и каков экономический ущерб от затопления пойменных земель? Почему молчит о масштабах загрязнения атмосферы и земель тепловыми станциями, работающими на угле и мазуте, и на сколько лет еще хватит кислорода, если его все больше и больше сжигать в топках ТЭС и в двигателях внутреннего сгорания? Не преступна ли такая ведомственная мораль?

По мнению пана Кордюка, радиационное легирование кремния можно осуще-

ствлять и на «нулевой» мощности реактора. Что это означает? Реакторы не надо выводить в глубокую подкритику, а содержать их в рабочем состоянии в качестве источников тепловых нейтронов, снизив их плотность всего на три порядка. При этом снизится ли вообще опасность, которой пугают общественность Украины? Что касается технологии легирования кремния на «нулевой» мощности, то экономическая целесообразность ее теряется, т. к. для получения монокристалла кремния с удельным электрическим сопротивлением на уровне 5 ом см. требуется облучать на мощности реактора 100% около одних суток, а на «нулевой» мощности потребуется около 1000 суток, при этом не более 20 кг в одном канале. Не забава ли это?

Пану Кордюку должно быть известно, что в отработанном топливе множество полезных для народного хозяйства изотопов, в том числе невыгоревший делящийся уран-235 и делящиеся изотопы плутония. Может быть, не вывозить отработанное топливо за рубеж на переработку, а сохранить до лучших времен?

Ведь уже разрабатываются новейшие технологии по извлечению этих изотопов для дальнейшего использования.

Пан Кордюк считает, что в бывшем СССР реакторы РБМК были нужны не только для производства энергии, но и для военных целей, т. е. для наработки оружейного плутония. В принципе, конечно, на РБМК можно получать оружейный плутоний, но не нужно — овчинка выделки не стоит. Надо просто иметь представление о промышленных уран-графитовых реакторах для наработки плутония и знать, чем они отличаются от РБМК.

Вот для других целей, а именно для нужд народного хозяйства, РБМК пригоден. Кроме выработки тепла, электроэнергии и нейтронно-трансмутационного легирования кремния на РБМК можно нарабатывать в неограниченных количествах кобальт-60, который используется для изготовления мощных гамма-источников. Такой проект имеется и будет вскоре реализован на Ленинградской АЭС. Можно нарабатывать радиоизотопы для медицинского оборудования. Можно проводить активационные исследования проб почвы по заказу геологов и тех же экологов из Минприроды Украины.

Диапазон применения мощных кобальтовых гамма-источников очень велик. Это облучение семян для повышения урожайности и выведения новых сортов, стерилизации продуктов питания и хирургических принадлежностей, в том числе одноразовых шприцев, получения материалов с особыми свойствами — например, радиационно-модифицированной древесины, обладающей свойствами пластмассы, противостоящей гниению, или виниловых трубок, обладающих свойствами памяти, или для повышения износостойкости автомобильной резины и для деструкции отходов резино-технических производств, чтобы эти отходы снова использовать в производстве. Но в Украине радиационными техническими технологиями сейчас никто не занимается и, по-видимому, в ближайшее время заниматься не будет — напуганы Чернобылем.

Статья пана Усатенко «Ложь — не аргумент» у меня, проработавшего рядом с реакторами в общей сложности 25 лет, вызвала горькое недоумение: что же это за специалисты в подкомиссии ВС по научным, социальным и правовым вопросам Чернобыльской катастрофы и атомной энергетики, если даже ее председатель допускает терминологические и технические неточности. Например: «установили дополнительные поглотители, что снизило активную зону, но увеличи-

ло тепловую нагрузку на каналы, что более опасно, чем было раньше». Первый раз встречаю термин «снизить активную зону». Кроме того, надо бы как-то считаться с физикой РБМК. Первоначальная загрузка допускает содержать до 240 дополнительных поглотителей (ДП), а сейчас их число не превышает 90. О повышении мощности на канал не может быть и речи, так как все это проектом реактора предусмотрено с достаточным запасом. Сомнение в снижении положительного коэффициента реактивности (очевидно, имеется в виду положительный паровой коэффициент реактивности) несостоятельно: он снижен, на этот счет на станции имеется документ. По модернизации стержней СУЗ увеличили длину поглощающей части стержня, а не вытеснителя. О «закусывании» хвостовиков на станции вообще никто никогда не слышал. Неужели специалисты-реакторщики такие профаны, что позволили бы кому-то «закусывать» хвостовиками стержней?

Мне непонятна точка зрения пана Усатенко, что для Украины достаточно одной тонны радиационно-легированного кремния, а это количество можно получить в реакторе Киевского института ядерных исследований (КИЯИ). Не надо забывать, что кремний — товар повышенного спроса, значительная часть его идет на экспорт за СКВ. К тому же Запорожский титано-магнийевый комбинат, являющийся основным поставщиком этого материала, после закрытия ЧАЭС будет вынужден облучать кремний в реакторах России, так как реакторы ВВЭР, установленные на других украинских АЭС, для этой цели абсолютно непригодны.

Далее: пану Усатенко, видимо, известно, что научно-исследовательский реактор КИЯИ за тридцать лет эксплуатации давно уже выработал свой ресурс и по требованию Госатомнадзора Украины с начала этого года стоит «на приколе». И даже если разрешение на его эксплуатацию будет вновь получено, то неужели Вам, пан Усатенко, не страшно, что старенький ядерно опасный объект будет трудиться не где-нибудь, а в столице Украины?

Пан Кордюк пишет: «Если мы не остановим ЧАЭС, не прекратим эксплуатацию реакторов РБМК, то очередная катастрофа неизбежна». Будем считать, что ЧАЭС согласно решению ВС в конце этого года будет остановлена. Но как быть с двумя реакторами РБМК Игналинской АЭС, тремя — Смоленской и четырьмя — Курской станции, на которой, кстати, готовится в следующем году запустить пятый РБМК. Обе российские АЭС находятся в бассейне Днепра, в непосредственной близости от границ Украины, и если «катастрофа неизбежна», то ее последствия тут же «доползут и долетят» до Киева и далее... Но российские РБМК украинский парламент, конечно, не закроет. И что тогда? Пан Усатенко бесстрастно констатирует: «Украина вообще нуждается в создании мощной и эффективной сети локализации любой аварии на АЭС. Сейчас... нет... йодистого калия... для предохранения населения в первые дни облучения. У нас нет ни одной койки для срочной помощи больным острой лучевой болезнью. Нет и больших резервов войск, которые первыми бы вступили в борьбу с бедой. Мы — беззащитны перед вторым вполне возможным Чернобылем».

Вот те и на! Позвольте тогда спросить: чем же все это время занимается комиссия ВС по вопросам Чернобыльской катастрофы, если нет ни того, ни другого, ни десятого? Наверное, за семь с лишним лет, прошедших после аварии, хотя бы какие-то из этих вопросов можно было бы решить. Почему-то говоря об уроках, которые надо «извлечь из Чернобыля», парламентарии начинают размышлять о технических недостатках РБМК, а вот о том, как защитить людей в случае новой аварии (пусть и на российских АЭС, ведь радиация государственной границ не признает) палец о палец не ударили.

Всем хорошо известна пословица: «Ломать — не строить». Конечно, закрыть предприятие — проще всего. Обеспечить же его безопасную работу, защитив таким образом население Украины от гипотетической аварии, а персонал ЧАЭС — от безработицы, — многократно сложнее. Да, и, наверное не под силу это нашим парламентариям, если уж обычные йодосодержащие таблетки превращаются в неразрешимую проблему...

Александр ЛИТОВЧЕНКО,
начальник экспериментального цеха
радиационного легирования кремния
ПО «ЧАЭС».